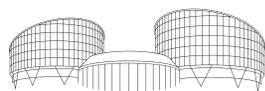


ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Густафссон (Gustafsson) против Швеции»¹

(Жалоба № 15573/89)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург, 25 апреля 1996 г.

По делу «Густафссон против Швеции»² Европейский Суд по правам человека, заседая в соответствии со статьей 53 Регламента В Европейского Суда³ Большой Палатой в составе:

Р. Риссдала, *Председателя Европейского Суда*,
Р. Бернхардта,
Ф. Матшера,
Л.-Э. Петтити,
Б. Уолша,
А. Шпильманна,
С.К. Мартенса,
Э. Пальм,
И. Фойгеля,
Р. Пекканена,
А.Н. Лоизу,
Х.М. Моренили,
Ф. Биджи,
М.А. Лопеса Роча,
Дж. Мифсуда Бонничи,
Е. Макарчика,
Б. Репика,
П. Ямбрека,
Э. Левитса, *судей*,

а также при участии Г. Петцольда, *Секретаря-Канцлера Европейского Суда*, П. Дж. Махони, *Заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда*,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 24 ноября 1995 г. и 28 марта 1996 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее
Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано на рассмотрение Европейского Суда 1 марта 1995 г. Европейской Комиссией по правам человека и 15 мая 1995 г. властями Швеции с соблюдением трехмесячного срока, установленного пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело было инициировано жалобой (№ 15573/89), поданной гражданином Швеции Торгни Густафссоном (Torgny Gustafsson) 1 июля 1989 г. в Европейскую Комиссию по правам человека против Швеции в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Европейская Комиссия в своем запросе ссылалась на статьи 44 и 48 Конвенции и на декларацию, в соответствии с которой Швеция признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда (статья 46 Конвенции). Целью запроса Европейской Комиссии и обращения властей Швеции было получение решения по обстоятельствам дела о наличии нарушения властями государства-ответчика своих обязательств по статьям 6, 1 и 13 Конвенции и статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подпунктом «d» пункта 3 правила 35 Регламента В Европейского Суда, заявитель сообщил, что он желал принять участие в рассмотрении дела, и назначил адвоката, который должен был представлять его интересы (правило 31 Регламента В Европейского Суда).

3. Палата, которая должна была рассмотреть дело, состояла *ex officio* из Э. Пальм, судьи, выбранной от Швеции (статья 43 Конвенции), и Р. Риссдала, Председателя Европейского Суда (подпункт «b» пункта 4 правила 21 Регламента В Европейского Суда). 5 мая 1995 г. в присутствии Секретаря Европейского Суда Председатель Европейского Суда судья Р. Риссдал с помощью жребия выбрал следующих семь судей: Ф. Матшера, Б. Уолша, С.К. Мартенса, Р. Пекканена, А.Н. Луазу, Ф. Биджи и П. Ямбрека (статья 43 Конвенции *in fine* и пункт 5 правила 21 Регламента В Европейского Суда).

4. Действуя в качестве Председателя Палаты (пункт 6 правила 21 Регламента В Европейского Суда), Р. Риссдал через Секретаря-Канцлера Европейского Суда провел консультации с Уполномоченным Швеции при Европейском Суде, адвокатом заявителя и делегатом Европейской Комиссии по вопросу организации письменной

¹ Перевод с английского ООО «Развитие правовых систем».

² Дело имеет номер 18/1995/524/610. Первое число означает позицию дела в списке дел, переданных в Европейский Суд в соответствующем году (второе число). Последние два числа указывают на позицию дела в списке соответствующих жалоб, поданных в Европейскую Комиссию (*примеч. секретариата Суда*).

³ Регламент В, вступивший в силу 2 октября 1994 г., применяется ко всем делам, касающимся Государств, подписавших Протокол № 9 к Конвенции (*примеч. секретариата Суда*).

процедуры (пункт 1 правила 39 и правило 40 Регламента В Европейского Суда). Согласно порядку, установленному впоследствии, Секретарь получил меморандумы от властей Швеции 12 сентября 1995 г. и от заявителя 13 сентября 1995 г. Письмом от 19 октября 1995 г. Секретарь Европейской Комиссии уведомил Секретариат Европейского Суда о том, что делегат Европейской Комиссии не пожелал представлять письменные комментарии.

5. 28 сентября 1995 г. Палата, рассмотрев ходатайство властей Швеции от 30 августа, решила уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты (правило 53 Регламента В Европейского Суда). В связи с тем, что Председатель и заместитель Председателя Европейского Суда (Р. Бернхардт), а также другие члены Палаты были *ex officio* членами Большой Палаты, 28 сентября 1995 г. в присутствии Секретаря-Канцлера Европейского Суда Председатель Европейского Суда с помощью жребия выбрал еще девять судей, призванных дополнить состав Большой Палаты (подпункты «а» и «б» пункта 2 правила 53 Регламента В Европейского Суда): Л.-Э. Петтити, А. Шпильманна, И. Фойгеля, Х.М. Моренилью, М.А. Лопеса Рочи, Дж. Мифсуда Бонничи, Е. Макарича, Б. Репика и Э. Левитса.

6. 24 октября 1995 г. Большая Палата отклонила ходатайство о допросе свидетелей, полученное Секретарем-Канцлером Европейского Суда от властей Швеции 17 октября (пункт 1 правила 43, взятый во взаимосвязи с пунктом 6 правила 53 Регламента В Европейского Суда). В различные даты между 19 и 25 октября Секретарь-Канцлер Европейского Суда получал письма от заявителя с комментариями по поводу вышеуказанного ходатайства.

7. 27 сентября, 24 октября 1995 г. и 10 января 1996 г. заявитель детализировал свои требования по статье 50 Конвенции. 10 ноября 1995 г. Европейская Комиссия представила ряд документов из материалов рассмотренного ею дела по запросу Секретаря-Канцлера Европейского Суда по поручению Председателя Большой Палаты.

8. В соответствии с решением Председателя Европейского Суда 22 ноября 1995 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось открытое слушание по настоящему делу. Предварительно Европейский Суд провел подготовительную встречу.

В Европейский Суд явились:

(а) от властей Швеции:

К.Х. Эренкрона (С.Н. Ehrenkrona), помощник заместителя министра по правовым вопросам (Assistant Under-Secretary for Legal Affairs), Министерство иностранных дел, *Уполномоченный Швеции при Европейском Суде по правам человека*;

Д. Экман (D. Ekman), постоянный заместитель министра, Министерство труда,

П. Вирдестен (P. Virdesten), заместитель министра по правовым вопросам, Министерство труда,

И. Окерлунд (I. Åkerlund), юрисконсульт, Министерство труда,

Х. Ядерблом (H. Jäderblom), юрисконсульт, Министерство юстиции, *советники*;

(b) от Европейской Комиссии:

Г.Х. Туне (G.H. Thune), *делегат*;

(с) от заявителя:

Г. Равнсборг (G. Ravnsborg), профессор права в Университете Лунда, *представитель*.

Европейский Суд заслушал выступления Туны, Равнсборга и Эренкроны, а также их ответы на вопросы Европейского Суда и Председателя Большой Палаты.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. С лета 1987 г. до конца лета 1990 г. заявитель являлся собственником летнего ресторана «Иребаден ат Иревикен» (Ihrebaden at Ihreviken), в районе Тингстеде (Tingstäde) на острове Готланд (Gotland). Затем заявитель был (и продолжает быть) собственником молодежной гостиницы «Луммелунда ат Нюхамн» (Lummelunda at Nyhamn), в г. Висбю (Visby) также на острове Готланд. В ресторане было меньше десяти работников. Они нанимались на сезонной основе, но имели право быть нанятыми на работу на следующий год. Право собственности заявителя на ресторан и гостиницу было прямым, что влекло его личную финансовую ответственность (*enskilld firma*).

10. В связи с тем, что заявитель не являлся членом ни одной из двух ассоциаций рестораторов, а именно Шведского союза предпринимателей в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса (Hotell- och Restaurangar – betsgivareföreningen, далее – ХРАФ, которая является аффилированным лицом Шведской конфедерации работодателей (Svenska Arbetsgivareföreningen, далее – САФ)) и Ассоциации работодателей Шведского союза рестораторов (Svenska Restauratörsförbundets Arbetsgivareförening, далее – СРА), он не был связан ни одним коллективным трудовым договором (*kollektivavtal*), заключенным между двумя ассоциациями и Союзом работников гостиниц и ресторанов (Hotell- och Restauranganställdas Förbund, далее – ХРФ). Также он не был обязан присоединяться к различным системам страхования на рынке труда (Arbetsmarknadsförsäkring), разработанным на основании соглашений между САФ и Шведской профсоюзной организацией (Landsorganisationen).

Однако заявитель мог присоединиться к положениям коллективного договора, подписав заменяющее соглашение (*hängavtal*). Он мог присо-

единиться также к системе страхования, заключив соглашение с организацией «Страхование на рынке труда» (Labour-Market Insurances) или любой из остальных десяти страховых компаний в этом секторе.

11. В конце июня – начале июля 1987 года заявитель отказался подписывать отдельное заменяющее соглашение с ХРФ. Он сослался на свои принципиальные возражения против системы коллективных переговоров. Он также подчеркнул, что его работники получали больше, чем они получали бы по коллективному договору, а также что они сами возражали против подписания заявителем заменяющего соглашения от их имени.

В заменяющем соглашении, предложенном заявителю, говорилось:

«Стороны: [Заявитель] и [ХРФ]

Срок действия: с 1 июля 1987 г. до 31 декабря 1988 г. включительно, а затем продляется на один год каждый раз, если за два месяца до истечения срока действия [соглашения] не направлено уведомление о расторжении.

...

Начиная с [вышеуказанной] даты к отношениям между [заявителем и ХРФ] применяется последнее соглашение, заключенное между [ассоциацией работодателей] и [ХРФ]. Если в будущем [ассоциация работодателей] и [ХРФ] достигнут нового соглашения или договорятся о внесении изменений или дополнений в [действующее] соглашение, [новое соглашение, поправки или дополнения] автоматически применяются, начиная с момента, когда [эти соглашение, поправки или дополнения были согласованы сторонами].

...

1. [Работодатель] [от имени работников] присоединяется к [пяти различным] системам страхования в организации «Страхование на рынке труда» и поддерживает их,... а также другие возможные системы страхования, относительно которых [ассоциация работодателей и ХРФ] позднее достигнут соглашения.

2. [Работодатель] будет выдавать свидетельства о занятости в специальной форме... Копия свидетельств должна направляться в [ХРФ].

3. [Работодатель] будет принимать на работу только [работников, являющихся членами] или ходатайствовавших о приеме в члены [ХРФ]. В случае повторного приема на работу применяются положения статьи 25 Закона «О защите занятости» (lag (1982:80) om anställnings-skydd).

4. [Работодатель должен] ежемесячно вычитать из заработной платы работников-членов [ХРФ] сумму, соответствующую размеру их членских взносов, и перечислять эту сумму на счет [ХРФ]....».

12. 16 июля 1987 г. на переговорах с заявителем ХРФ предложил другое заменяющее соглашение, которое также было отвергнуто:

«Предмет: подписание коллективного договора в отношении [ресторана] «Иребаден»... и молодежной гостиницы «Луммелунда».

1. Учитывая приближающийся конец [сезона 1987 г.], стороны договорились о следующей процедуре взамен подписания коллективного договора.

Предприятие соглашается соблюдать в этот сезон... коллективный трудовой договор («зеленый государственный договор»), заключенный между [ХРАФ] и [ХРФ], в том числе присоединиться к [определенным] системам страхования (*avtalsförsäkringar*) в организации «Страхование на рынке труда».

2. Предприятие соглашается также [соблюдать] [указанный] коллективный трудовой договор... в течение следующего сезона... либо путем вступления в члены союза работодателей, либо путем подписания... заменяющего соглашения...».

13. Если бы заявитель подписал бы заменяющее соглашение, оно применялось бы не только к тем его работникам, которые состоят в профсоюзе, но и к тем, которые не состоят.

Летом 1986 года заявителем был нанят один член ХРФ. В 1987 году заявитель нанял другого члена этого профсоюза, а также двух работников, являвшихся соответственно членами Союза работников торговли (*Handelsanställdas Förbund*) и Союза работников коммунального хозяйства (*Kommunalarbetareförbundet*). В 1989 году на работу к заявителю был принят один член последнего союза.

14. После того, как заявитель отказался подписать заменяющее соглашение, ХРФ в июле 1987 году объявила «блокаду» и бойкот его ресторана. В тот же месяц с коллективным протестом в поддержку бойкота выступили Союз работников торговли и Шведский союз работников пищевого сектора (*Svenska Livsmedelsarbetareförbundet*).

Летом 1988 года в поддержку с протестом выступили Шведских союз работников транспорта (*Svenska transportarbetareförbundet*) и Союз работников коммунального хозяйства (*Kommunaltjänstemannaförbundet*). Как следствие, прекратились поставки в ресторан.

15. Один из нанятых заявителем работников в «Иребадене», который являлся членом ХРФ, публично выразила мнение, что коллективный протест был необязательным, так как на заработную плату и условия труда в ресторане невозможно было пожаловаться.

По словам властей Швеции, действия профсоюза были вызваны ходатайством о помощи, поданным в 1986 году одним из членов ХРФ, нанятым заявителем. По мнению профсоюза, заявитель платил работникам примерно на 900 шведских крон в месяц меньше, чем они получали бы на основании коллективного договора. Он не платил своим работникам компенсацию за отпуск, предусмотренную Законом 1977 г. «О ежегодном отпуске» (*semesterlagen* 1977:480), и заработную плату за время приостановки работы ресторана из-за плохих погодных условий, как требует Закон 1982 г. «О защите занятости», а также не подписывал

вал договор о страховании на рынке труда вплоть до 1988 г.

16. В августе 1988 года заявитель, ссылаясь на Конституцию, попросил Правительство Швеции издать запрет на продолжение ХРФ блокады, а другими профсоюзами – своих акций протеста, а также предписать профсоюзам выплатить компенсацию за причиненные убытки. В качестве альтернативы он предложил, что компенсация могла быть выплачена государством.

17. 12 января 1989 г. Правительство Швеции (Министерство юстиции) отклонило ходатайство заявителя, постановив:

«Ходатайства о запрете блокады и акций в поддержку блокады, так же как компенсация вреда, причиненного профсоюзами, относятся к спору между частными лицами. В соответствии со статьей 3 главы 11 Формы правления [Regeringsformen, является частью Конституции Швеции] такие споры не могут разрешаться иным, кроме суда, органом, если иное не предусмотрено законом. Законодательство не содержит положений, позволяющих правительству рассматривать такие споры. Поэтому Правительство не будет рассматривать эти ходатайства по существу.

Требование о возмещении убытков отклоняется».

18. Заявитель обратился в Высший административный суд (Regeringsrätten) с жалобой, поданной на основании Закона 1988 г. «О судебном рассмотрении некоторых административных решений» (*lag (1988:205) om rättsprövning av vissa förvaltningsbeslut*, далее – Закон 1988 г.). 29 июня 1989 г. Высший административный суд отклонил жалобу на том основании, что решение Правительства Швеции не касалось административного спора, вытекающего из осуществления публичной власти, что являлось условием принятия жалобы к производству по статье 1 закона.

19. 15 сентября 1989 г. Шведский туристический клуб (*Svenska turistföreningen*, далее – СТФ), некоммерческая ассоциация, развивающая туризм в Швеции, исключил из числа своих членов молодежную гостиницу заявителя, сославшись на отсутствие сотрудничества и негативное отношение заявителя к СТФ. Как результат, гостиница больше не упоминалась в составляемом СТФ каталоге молодежных гостиниц. В 1989 г. примерно половина молодежных гостиниц в Швеции состояли в СТФ.

20. Заявитель обратился в Стокгольмский окружной суд (*tingsrätten*). Он оспорил то, что он считал исключением его лично из СТФ, утверждая, что оно явилось следствием угроз ХРФ, что последний организует коллективный протест против других молодежных гостиниц, состоящих в членах СТФ, если гостиница заявителя не будет исключена. Он также оспорил факт прекращения членства его молодежной гостиницы в СТФ.

СТФ согласился, *inter alia*, что, хотя расторжение договора о членстве молодежной гостиницы заявителя не было связано с конфликтом между заявите-

лем и профсоюзами, этот конфликт мог повлиять на выбор времени для принятия такого решения. СТФ также сослался на заключение Омбудсмана по защите свободы конкуренции (*ombudsmannen för näringsfrihet*) от 14 ноября 1989 г., что расторжение данного договора оказало бы весьма ограниченное влияние на бизнес заявителя.

21. 8 мая 1991 г. окружной суд отклонил иск заявителя по обоим основаниям. Суд признал, *inter alia*, что заявитель не доказал, что он был лично исключен из СТФ в связи с расторжением последним договора о членстве его молодежной гостиницы. Суд также признал, что договор был важен для его бизнеса с финансовой точки зрения. Была сделана ссылка на заключение Омбудсмана по защите свободы конкуренции.

22. Заявитель обжаловал данное судебное решение в Свеайский апелляционный суд (*Svea hovrätt*), который 6 марта 1992 г. оставил это решение без изменения. Апелляционный суд признал, *inter alia*, что расторжение СТФ договора о членстве молодежной гостиницы повлекло за собой истечение срока личного членства заявителя в СТФ. Однако это не могло быть приравнено к его исключению из членов, учитывая, что он мог продлить или возобновить свое членство. Кроме того, хотя договор имел существенное значение для бизнеса заявителя, расторжение СТФ договора не могло быть признано неразумным.

23. В начале 1991 г. заявитель продал свой ресторан из-за трудностей с ведением бизнеса, предположительно связанных с коллективным протестом. Ресторан был куплен лицом, которое подписало коллективный договор с ХРФ. Он продолжил вместе со своей семьей управлять молодежной гостиницей в Луммелунде.

После этого акция профсоюза была прекращена.

24. 9 ноября 1991 г. заявитель попросил власти Швеции поддержать его жалобу в Европейской Комиссии. 12 декабря 1991 г. власти Швеции решили не предпринимать никаких действий по ходатайству.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ШВЕЦИИ

A. СВОБОДА СОЮЗОВ

25. В статье 1 главы 2 Формы правления говорится:

«1. Каждому гражданину в его отношениях с обществом должны быть обеспечены:

1) свобода высказываний: свобода распространять сообщения устно, письменно, путем изображения или иным способом, а также высказывать мысли, мнения и выражать чувства;

...

5) свобода союзов: свобода объединения с другими для общественных или частных целей...».

26. Статья 2 главы 2 гласит:

«Каждый гражданин в своих отношениях с обществом должен быть защищен от принуждения раскрывать свои взгляды в политической, религиозной, культурной и иных сходных сферах. Кроме того, в своих отношениях с обществом он должен быть защищен от принуждения участвовать в собраниях или демонстрациях в целях формирования мнения или в целях выражения иных мнений либо защищен от принуждения принадлежать к политическому объединению, религиозному обществу или иному объединению, основанному на взглядах, которые имеются в виду в первом предложении».

27. Пункты 1 и 2 статьи 12 главы 2 гласят:

«Свободы и права, закрепленные в пунктах 1–5 § 1, а также в §§ 6 и 8 и в части второй § 11 в пределах, установленных в §§ 13–16, могут быть ограничены законом или иным предписанием ...

Ограничения, указанные в части первой, могут применяться лишь в тех целях, которые приемлемы для демократического общества. Ограничения никогда не могут выходить за пределы необходимого, с учетом цели, которая вызвала эти ограничения, и не могут распространяться столь широко, чтобы создать угрозу свободному формированию мнений, являющемуся одним из принципов правления народа. Эти ограничения не могут к тому же устанавливаться на основании политических, религиозных, культурных и иных взглядов».

28. Пункт 2 статьи 14 главы 2 предусматривает:

«Свобода союзов может ограничиваться лишь в отношении объединений, деятельность которых носит военный или аналогичный характер либо нацелена на дискриминацию групп населения по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения».

29. В соответствии со статьей 17 Главы 2:

«Союзы рабочих, а также предприниматели и союзы предпринимателей имеют право использовать такие меры борьбы, которые связаны с их профессиональной деятельностью, если иное не вытекает из закона или договора».

В. ПРАВО НА УЧАСТИЕ В ОБЪЕДИНЕНИЯХ**30. Статья 7 Закона 1976 г. «О совместном принятии решения на работе» (Act on Co-Determination at Work) гласит:**

«Право на участие в объединениях означает право работодателей и работников участвовать в организациях работодателей или работников с целью получения от такого участия выгод, а также с целью работы на организацию или создания организации».

31. Статья 8 гласит:

«Право на участие в объединениях не должно нарушаться. Нарушение... имеет место, если представитель работодателя или работников совершает какое-либо действие, причиняющее вред другой стороне, по причинам, связанным с осуществлением этим лицом своего права на участие в объединениях, либо если представитель любой стороны совершает какое-либо действие в ущерб представителю другой стороны с целью

понуждения этого лица к неосуществлению своего права на участие в объединениях. Нарушение имеет место даже в случае, если совершенное таким образом действие имеет целью выполнение обязательства перед другой стороной.

Организация работодателей или работников не должна терпеть нарушение права на участие в объединениях, посягающее на деятельность этой организации. В случае, когда имеются и местная, и центральная организации, эти положения применяются к центральной организации.

Если право на участие в объединениях нарушается путем расторжения договора или прекращения иной правовой меры, или путем включения определенной нормы в коллективный или иной договор, данная мера или норма признается ничтожной».

32. Статья 10 гласит:

«Организация работников имеет право вести переговоры с работодателем по любым вопросам, касающимся отношений между работодателем и любым членом организации, который нанят или был нанят этим работодателем. Работодатель имеет аналогичное право вести переговоры с организацией работников.

Право ведения переговоров... осуществляется организацией работников также в отношении любой организации, к которой принадлежит работодатель, и организацией работодателей в отношении организации работников».

С. СУДЕБНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ**33. Статья 3 главы 11 Формы правления гласит:**

«Правовой спор между частными лицами не может в силу закона разрешаться иным, кроме суда, органом...».

34. Как правило, работодатель, против которого организован коллективный протест, может ходатайствовать о выдаче судебного предписания о прекращении данного протеста и о возмещении убытков. Такие предписания могут быть выданы соответствующим судом, если коллективный протест незаконен или нарушает действующий коллективный договор.

Если коллективный протест представляет собой уголовное преступление, требование о компенсации может быть заявлено на основании статьи 4 главы 2 Закона 1972 г. «О компенсации» (*skadeståndslag* 1972:207).

35. В соответствии со статьей 1 Закона 1988 г. лицо, являвшееся стороной в административном процессе в Правительстве или другом государственном органе, может в отсутствие других средств защиты обратиться в Высший административный суд как в суд первой и единственной инстанции за судебным пересмотром любых решений по делам, касающимся осуществления публичной власти в отношении частного лица. Вид административного решения, охватываемого данным законом, конкретизируется в статьях 2 и 3 главы 8

Формы правления, на которые содержится ссылка в статье 1 Закона 1988 г. В соответствии с этими положениями закон охватывает меры, касающиеся, *inter alia*, личных и экономических вопросов, возникающих в отношениях между частными лицами и между государством и частными лицами. В статье 2 уточнено несколько видов решений, к которым закон не применяется, но ни один из этих видов не относится к настоящему делу.

В процессе, возбужденном в соответствии с Законом 1988 г., Высший административный суд рассмотрел вопрос о том, «противоречило ли какой-либо правовой норме» оспариваемое решение (статья 1 Закона 1988 г.). Если суд признает, что оспариваемое решение незаконно, он должен отменить его и в случае необходимости вернуть дело для рассмотрения в соответствующий административный орган (статья 5 Закона 1988 г.).

ПРОИЗВОДСТВО В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ

36. В своей жалобе (№ 15573/89), поданной в Европейскую Комиссию 1 июля 1989 г., Густафссон жаловался, что отсутствие государственной защиты от коллективного протеста, организованного против его ресторана, привело к нарушению его права на свободу объединения, гарантированного статьей 11 Конвенции, а также его права на беспрепятственное пользование имуществом, гарантированного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, взятой в совокупности со статьей 17 Конвенции. Далее он заявил о нарушении его прав по пункту 1 статьи 6 (право на справедливое разбирательство дела) и статье 13 (право на эффективное средство правовой защиты), что судебные средства защиты, к которым он мог прибегнуть, чтобы обжаловать коллективный протест, были бы неэффективны, так как такой протест был законным в соответствии со шведским законодательством.

37. 8 апреля 1994 г. Европейская Комиссия признала жалобу приемлемой. В докладе от 10 января 1995 г. (статья 31 Конвенции) Европейская Комиссия выразила мнение (а) 13 голосами против четырех, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции; (б) 11 голосами против шести, что не было необходимости рассматривать жалобу на нарушение статьи 1 Протокола № 1, взятой в совокупности со статьей 17 Конвенции; (в) 16 голосами против одного, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не был нарушен; (г) 14 голосами против трех, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции. Полный текст решения Европейской Комиссии и четырех отдельных мнений к этому решению был приведен в докладе, прилагаемом к настоящему Постановлению¹.

¹ По практическим соображениям данное приложение появится лишь в окончательной печатной версии настоящего Постановления (в официальном собрании избранных постанов-

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ, ПОДАННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

38. На слушании 22 ноября 1995 г., как и в своем меморандуме, власти Швеции попросили Европейский Суд признать, что Конвенция не была нарушена.

39. В тоже самое время заявитель повторил свое ходатайство в Европейский Суд, содержащееся в его меморандуме, признать, что имело место нарушение статей 6, 11 и 13 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, взятой во взаимодействии со статьей 17 Конвенции.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

40. Заявитель жаловался, что протест профсоюза нарушил его право на свободу объединения и что отказ властей государства-ответчика защитить его от этих действий профсоюза привел к нарушению статьи 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

41. Власти Швеции оспорили данное утверждение, а Европейская Комиссия согласилась с мнением заявителя, что нарушение имело место.

A. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

42. Власти Швеции оспорили применимость статьи 11 Конвенции к жалобам заявителя. В отличие от заявителей по ранее рассмотренным Европейским Судом делам, в которых он признал негативное право на свободу объединения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (Young, James and Webster v. United Kingdom) от 13 августа 1981 г., Series A, № 44, pp. 21–22, §§ 55–58; и Постановление Европейского Суда по

лений и решений Европейского Суда 1996-II), но копию доклада Европейской Комиссии можно получить в Секретариате Европейского Суда (*примеч. Секретариата Суда*).

делу «Сигурдур А. Сугурйонссон против Исландии» (Sigurdur A. Sigurjónsson v. Iceland) от 30 июня 1993 г., Series A, № 264, pp. 15–16, § 35), заявителем в настоящем деле не принуждали ко вступлению в объединение. Протест профсоюза имел первоочередной целью заставить заявителя применять к своим работникам определенное соглашение, согласованное соответствующими организациями в сфере труда. Это могло быть достигнуто не только вступлением заявителя в одну из двух ассоциаций работодателей в сфере торговли – ХРАФ и СРА – но и подписанием заявителем с ХРФ заменяющего соглашения к действующим коллективным договорам, применяемым в области ресторанного бизнеса (см. выше § 10). Он мог избежать протеста профсоюза, воспользовавшись возможностью проведения переговоров с профсоюзом с целью прийти к решению о подписании заменяющего соглашения, составленного таким образом, чтобы соответствовать особому характеру бизнеса заявителя (см. выше §§ 11 и 12). Заключение такого соглашения могло повлиять на свободу заявителя как работодателя заключать договоры с работниками, но данный вид свободы как таковой не гарантирован Конвенцией.

Власти Швеции, кроме того, подчеркнули, что практически протест профсоюза привел к остановке поставок товаров в ресторан заявителя (см. выше § 14) и не привел к оккупации или пикетированию помещений, используемых заявителем для ведения бизнеса. Также он не подтвердил свое заявление о том, что он был вынужден продать свой ресторан или что ему в результате коллективного протеста был причинен в какой-либо еще форме материальный вред.

43. Заявитель и Европейская Комиссия утверждали, что бойкот и блокада профсоюзами бизнеса заявителя затронули его право на негативную свободу объединения. Действительно, если бы заявитель заключил заменяющее соглашение, основная цель протеста, заключающаяся в максимально возможном принятии и применении коллективного договора, одной из сторон в котором был ХРФ, могла быть достигнута без того, чтобы заявитель становился членом ХРАФ или СРА. Однако заявитель возражал не только против формального членства, но и против участия в переговорах между предпринимателями и профсоюзами, так как в обоих случаях он был бы связан коллективным договором с ХРФ. Одним из самых важных следствий членства в ассоциации работодателей в Швеции являлось участие членом, представителем которых была ассоциация, в коллективных переговорах, а также их обязанность подчиниться любому коллективному договору, заключенному ассоциацией. Поэтому, несмотря на то, что у заявителя была возможность принять эти обязательства без формального вступления в ХРАФ или любую другую ассоциацию, было бы искусственным и формалистским отри-

цание того, что негативная свобода объединения заявителя была затронута.

44. Европейский Суд счел, что, хотя вопрос о размере неудобства и вреда, причиненных протестом профсоюза бизнесу заявителя, оставался открытым, данные меры должны были повлечь значительное давление на заявителя с целью вынудить его принять требование профсоюза связать себя коллективным договором. У него были два варианта, как это можно было сделать: вступить в объединение работодателей, что автоматически связало бы его коллективным договором, или подписать заменяющее соглашение (см. выше §§ 10 и 11). Европейский Суд согласился с тем, что в определенной степени пользование свободой объединения было затронута. Таким образом, статья 11 Конвенции применима в настоящем деле. Поэтому Европейский Суд рассмотрел вопрос о том, имело ли место нарушение его права на свободу объединения, ответственность за которое лежала на властях Швеции.

В. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

1. Общие принципы

45. Обжалованные заявителем вопросы, хотя и стали возможными из-за национального законодательства, не были связаны с прямым вмешательством государства. Ответственность Швеции, тем не менее, наступила бы, если бы эти вопросы были результатом необеспечения властями Швеции заявителю на уровне национального законодательства прав, гарантированных статьей 11 Конвенции (см., среди прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу «Сибсон против Соединенного Королевства» (Sibson v. United Kingdom) от 20 апреля 1993 г., Series A, № 258-A, p. 13, § 27). Хотя основной целью статьи 11 Конвенции является защита частного лица от произвольных вмешательств государственных органов в осуществление этим лицом охраняемых прав, помимо этого могут существовать позитивные обязательства обеспечить эффективное пользование этими правами.

В самом последнем постановлении, вынесенном в этой связи, статья 11 Конвенции была истолкована как охватывающая не только позитивное право создавать и вступать в объединения, но также и негативный аспект этой свободы, а именно право не вступать или выходить из объединения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Сигурдур А. Сугурйонссон против Исландии» (Sigurdur A. Sigurjónsson v. Iceland), pp. 15–16, § 35). Оставив открытым вопрос о том, следует ли рассматривать негативное право наравне с позитивным правом, Европейский Суд признал, что, хотя принуждение ко вступлению в конкретный профсоюз не всегда может противоречить

Конвенции, форма такого принуждения, которая с учетом обстоятельств дела затрагивает саму суть свободы объединения, гарантированной статьей 11 Конвенции, будет представлять собой вмешательство в эту свободу (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Сибсон против Соединенного Королевства» (*Sibson v. United Kingdom*), п. 14, § 29).

Следовательно, национальные органы в некоторых случаях могут быть обязаны вмешаться в отношении между частными лицами и принять разумные и надлежащие меры для обеспечения эффективного пользования негативным правом на свободу объединения (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Платформа “Врачи за Жизнь” против Австрии» (*Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria*) от 21 июня 1988 г., Series A, № 139, п. 12, §§ 32–34).

В то же время следует напомнить, что, хотя статья 11 Конвенции не гарантирует никакого конкретного отношения государства к профсоюзам и их членам, такого как право на заключение какого-либо определенного коллективного договора, слова «для защиты [их] интересов» в пункте 1 статьи 11 показывают, что Конвенция охраняет свободу защищать профессиональные интересы членов профсоюза с помощью профсоюзных акций. В этом отношении у государства есть выбор, какие средства использовать, и Европейский Суд признавал, что заключение коллективных договоров может быть одним из них (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (*Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden*) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 20, pp. 15–16, §§ 39–40).

Принимая во внимание деликатный характер социальных и политических вопросов, учитываемых при установлении надлежащего баланса между противоречащими друг другу интересами и, в частности, при оценке уместности вмешательства государства с целью ограничения профсоюзной акции, направленной на распространение системы коллективных переговоров, а также большие расхождения в подходах Договаривающихся Государств к регулированию рассматриваемой сферы отношений, эти государства должны пользоваться широкими пределами усмотрения при выборе используемых средств.

2. Применение вышеуказанных принципов

46. Заявитель подчеркнул, что он возражал против того, чтобы связывать себя коллективным договором, главным образом, из-за своих политических и философских убеждений. Чем подвергать себя и своих работников профсоюзному корпоративизму, он предпочитал сохранить личный характер отношений между ним как работодателем и его работниками.

Заявитель и Европейская Комиссия считали, что оказывавшееся на него давление требовало от властей Швеции принятия позитивных мер защиты. Из-за блокады и бойкота он был по большей части лишен возможности поставлять необходимые товары в его ресторан (см. выше § 14). В результате бизнесу заявителя был причинен существенный вред, и он был вынужден продать свой ресторан (см. выше § 23). Эти резкие меры должны были быть уравновешены какими-либо серьезными правомерными интересами ХРФ при принуждении заявителя к подписанию коллективного договора. Принимая меры против заявителя, ХРФ не представлял ни одного из своих членов, которые были бы наняты заявителем. Единственный член ХРФ, нанятый заявителем, не просил помощи у профсоюза, а прямо заявила, что она считала коллективный протест ненужным, так как на условия труда, предлагаемые заявителем, невозможно было пожаловаться (см. выше § 15). Напротив, они были более выгодными, чем условия, устанавливаемые действовавшим коллективным договором. По этим причинам протест ХРФ был несоизмерим интересам, которые ХРФ пытался защитить.

При данных обстоятельствах заявитель и Европейская Комиссия подчеркнули, государству-ответчику надлежало обеспечить эффективную правовую защиту, например, путем предоставления заявителю доступа к правовым процедурам, которые могли позволить ему смягчить или прекратить принятую против него меру. В связи с тем, что такой правовой защиты не было предусмотрено в шведском законодательстве, факты, лежащие в основе жалобы заявителя, составляли нарушение его прав по статье 11 Конвенции.

47. Далее заявитель считал, что власти Швеции, не выдвинув при рассмотрении дела в Европейской Комиссии довод об обоснованности профсоюзной акции, были лишены права менять свою позицию и представлять в этом отношении доказательства в Европейском Суде.

Делегат Европейской Комиссии подчеркнула, что дополнительная информация и новые доводы, представленные властями Швеции по данному вопросу, могли и должны были быть представлены и упомянуты в Европейской Комиссии. Она предложила Европейскому Суду очень внимательно рассмотреть вопрос о том, какое значение можно было придать этой информации и данным доводам на этой последней стадии производства по делу.

48. Власти Швеции в своем меморандуме, представленном в Европейский Суд, впервые подчеркнули, что решение Европейской Комиссии о том, что условия труда работников заявителя были более благоприятными, чем те, что были бы установлены на основании коллективного договора, было основано на показаниях самого заявителя в Европейской Комиссии и никогда не было

подтверждено или принято властями Швеции. В Европейском Суде власти Швеции, ссылаясь на информацию, предоставленную ХРФ, оспорили данный вывод. Коллективный договор, который пытался заключить профсоюз с заявителем, имел целью значительно улучшить материальные и социальные условия труда для имевшихся и будущих работников заявителя (см. выше § 15). В отсутствие коллективного договора, регулирующего отношения между заявителем и его работниками, последние не могли пользоваться защитой, предоставляемой важными разделами шведского трудового законодательства. Условия труда, установленные заявителем, давали ему конкурентное преимущество перед другими владельцами ресторанов.

49. По мнению властей Швеции, заявитель в действительности оспаривал систему, которая применялась в Швеции в течение шестидесяти лет и о которой можно было сказать, что она составляла один из важнейших элементов того, что стало известно как «шведская модель» производственных отношений, которая, по мнению многих, значительно способствовала созданию шведского государства всеобщего благосостояния. Власти Швеции отметили, что в Швеции большинство крупных работодателей были связаны с какой-либо организацией работодателей, заключившей коллективный договор, и около 85% работников состояли в профсоюзах. Существенной и давнишней особенностью шведской модели было то, что производственные отношения определялись преимущественно сторонами рынка труда, а не государством. Так, заработная плата, рабочее время, право на отпуск и другие условия труда регулировались коллективными договорами, охватывающими 90% рынка труда, а не законодательством. Еще одной важной особенностью было то, что работодатели не должны получать конкурентное преимущество перед своими конкурентами, предлагая менее благоприятные условия труда, чем обеспечиваются коллективными договорами.

Кроме того, власти Швеции подчеркнули, что в результате запрета шведским законодателем прибегать к забастовкам, бойкотам и другим средствам протеста в производственных отношениях, регулируемых коллективным договором, количество таких акций много лет удерживалось на терпимом уровне. С другой стороны, профсоюзам, не связанным коллективным договором с конкретным работодателем, была оставлена широкая свобода в выборе средств, позволяющих заставить работодателя подписать коллективный договор. Это отражало значение, которое законодатель придавал праву профсоюзов на проталкивание своих интересов.

50. При данных обстоятельствах власти Швеции считали, что Швеция не была обязана по статье 11 Конвенции принимать позитивные меры для защиты заявителя от профсоюзной акции.

51. Что касается конкретных обстоятельств настоящего дела, Европейский Суд отметил, прежде всего, что дополнительная информация, касающаяся условий труда, представленная властями Швеции в Европейский Суд, дополняла обстоятельства, лежащие в основе жалобы, объявленной Европейской Комиссией приемлемой для рассмотрения по существу. Европейскому Суду ничто не мешало принять их во внимание при рассмотрении по существу жалоб заявителя на нарушение Конвенции, если он считал их значимыми (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бартольд против Германии» (Barthold v. Germany) от 25 марта 1985 г., Series A, № 90, р. 20, §§ 41–42; и Постановление Европейского Суда по делу «МакМайкл против Соединенного Королевства» (McMichael v. United Kingdom) от 24 февраля 1995 г., Series A, № 307-B, р. 51, § 73).

52. Как указано раньше (см. выше § 44), профсоюзная акция должна была оказать существенное давление на заявителя с целью вынудить его согласиться требованиям профсоюза о принятии положений коллективного договора либо путем вступления в объединение работодателей, либо путем подписания заменяющего соглашения. Однако только первый вариант включал членство в объединении.

Действительно, если бы заявитель выбрал второй вариант, у него было бы меньше возможностей повлиять на содержание будущих коллективных договоров, чем если бы он стал членом объединения работодателей. С другой стороны, заменяющее соглашение имело преимущество, заключающееся в возможности включения в него отдельных положений, учитывающих особый характер бизнеса заявителя. В любом случае стороны не утверждали и из обстоятельств дела не следовало, что заявителя вынуждали выбрать членство в объединении работодателей из-за экономически невыгодных условий, содержащихся в заменяющем положении.

В действительности главное возражение заявителя против второго варианта, как и против первого, носило политический характер, а именно несогласие его с системой коллективных переговоров, существующей в Швеции. Но статья 11 Конвенции как таковая не гарантирует право не заключать коллективные договоры (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden), pp. 15–16, §§ 40–41). Позитивное обязательство, возложенное на государства статьей 11, в том числе в аспекте защиты свободы выражения личного мнения, может быть распространено на отношения, вытекающие из функционирования системы коллективных переговоров, но только в случаях, когда эти отношения посягают на свободу объединения. Принуждение, которое, как в настоящем

случае, не существенно затрагивает пользование этой свободой, даже если оно причиняет материальный ущерб, не может породить никакого позитивного обязательства по статье 11 Конвенции.

53. Кроме того, заявитель не подтвердил свой довод о том, что условия труда, которые он предлагал своим работникам, были благоприятней, чем условия труда, требуемые коллективным договором. Принимая во внимание особую роль и значение коллективных договоров в регулировании трудовых отношений в Швеции, Европейский Суд не видел причин сомневаться в том, что профсоюзная акция преследовала правомерные интересы, соответствующие статье 11 Конвенции (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden), pp. 15–16, § 40; и Постановление Европейского Суда по делу «Шмидт и Далстрем против Швеции» (Schmidt and Dahlström v. Sweden) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 21, p. 16, § 36). В данном контексте следует напомнить также, что легитимный характер коллективных переговоров признан множеством международных актов, в частности статьей 6 Европейской социальной хартии, статьей 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Конвенциями №№ 87 и 98 Международной организации труда (первая касается свободы объединения и права на организацию, а вторая – применения принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров).

54. В свете вышеуказанного, учитывая свободу усмотрения, предоставленную государству-ответчику в этой сфере, Европейский Суд не считал, что Швеция не защитила права заявителя по статье 11 Конвенции.

55. В целом Европейский Суд сделал вывод, что с учетом обстоятельств настоящего дела статья 11 Конвенции не была нарушена.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

56. Заявитель, ссылаясь на вышеприведенные аргументы (см. выше §§ 39, 43, 46 и 47), утверждал, что необеспечение ему властями Швеции защиты от коллективного протеста причинило ему материальный вред в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов,

какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Заявитель утверждал, что вследствие профсоюзной акции он был вынужден продать свой ресторан (см. выше § 23) себе в убыток, составивший 600 000 шведских крон.

57. Власти Швеции оспорили вышеуказанное утверждение, а Европейская Комиссия с учетом вывода о нарушении статьи 11 Конвенции признала, что не было необходимости рассматривать данный вопрос на предмет нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

58. Власти Швеции допустили, что коллективный протест, основным последствием которого было то, что поставщики заявителя не могли поставлять товары, необходимые для работы ресторана, должен был привести к трудностям с ведением бизнеса заявителем. Однако заявитель не подтвердил действительного материального вреда, причиненного ему этой профсоюзной акцией, и у властей Швеции были сомнения относительно того, насколько действительно серьезными были последствия для бизнеса. Власти Швеции также отрицали, что данный вопрос, затрагивающий главным образом договорные отношения между заявителем и его поставщиками, мог повлечь ответственность государства по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции. Государство не вмешивалось в бизнес заявителя, а просто пассивно терпело деятельность профсоюзов на открытом рынке. Данная ситуация была сравнима с бойкотом покупателя против частной компании. И покупатели могут свободно предпринимать такие шаги, и государство не отвечает за них, даже если бойкот привел к банкротству компании.

59. В соответствии со сложившейся практикой Европейского Суда статья 1 Протокола № 1 к Конвенции, гарантируя по сути право собственности, включает три отдельных правила. Первое правило, выраженное в первом предложении первого пункта, имеет общий характер и закрепляет принцип беспрепятственного пользования имуществом. Второе правило, закрепленное во втором предложении первого пункта, охватывает случаи лишения имущества, ставя их в зависимость от определенных условий. Третье правило, содержащееся во втором пункте, признает за Договаривающимися Государствами, среди прочего, право контролировать использование имущества в соответствии с интересами общества. Второе и третье правила, касающиеся конкретных примеров вмешательства в право на беспрепятственное пользование имуществом, должны толковаться в свете общего принципа, закрепленного в первом правиле (см., среди прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу

«Прессон Компания Навьера С.А. и другие против Бельгии» (Pressos Compania Naviera S.A. and Others v. Belgium) от 20 ноября 1995 г., Series A, № 332, pp. 21–22, § 33).

Стороны не заявляли, что второе и третье правила были применимы к настоящему делу, и Европейский Суд не видел причин считать иначе. С другой стороны, заявитель утверждал, что имело место нарушение первого правила, а именно права на «беспрепятственное пользование имуществом».

60. По общему признанию государство может быть привлечено к ответственности по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции за случаи вмешательства в беспрепятственное пользование имуществом, вытекающие из сделок между частными лицами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (James and Others v. United Kingdom) от 21 февраля 1986 г., Series A, № 98, pp. 28–29, §§ 35–36). Однако в настоящем деле обжалуемые факты не только не являлись результатом осуществления государственной власти, но и касались исключительно отношений договорного характера между частными лицами, а именно заявителем и его поставщиками. По мнению Европейского Суда, такие последствия для ресторана заявителя как прекращение поставок, не лежали в сфере применения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

61. Заявитель утверждал, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции на том основании, что имевшиеся в его распоряжении судебные средства защиты от коллективного протеста были бы неэффективными. Пункт 1 статьи 6 Конвенции в части, относящейся к настоящему делу, гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях...имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела...судом...».

62. По мнению властей Швеции и Европейской Комиссии, пункт 1 статьи 6 Конвенции был неприменим к настоящему делу.

63. В соответствии с принципами, сформированными в судебной практике Европейского Суда (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Кероярви против Финляндии» (Kerojärvi v. Finland) от 19 июля 1995 г., Series A, № 322, p. 12, § 32), Европейский Суд должен сначала выяснить, имелся ли спор относительно «права», о котором можно сказать, хотя бы на спорных основаниях, что оно признано в соответствии с национальным законодательством. Спор должен быть реальным и серьезным: он может относиться не только к фактическому существованию права, но и к объему и способу осуществления этого права. Наконец, результат производства должен быть непосред-

ственно решающим для рассматриваемого права. Если Европейский Суд признает, что имеется спор о праве, он должен рассмотреть вопрос о том, имело ли данное право «гражданско-правовой» характер.

64. Власти Швеции и Европейская Комиссия заметили, что, хотя у заявителя существовали различные возможности для рассмотрения его дела по существу шведским судом (см. выше §§ 33 и 34), было понятно, что профсоюзная акция против него была законной и что шведское законодательство не предусматривало оснований, по которым национальный суд мог бы удовлетворить иск заявителя и исправить ситуацию. При данных обстоятельствах не было спора о праве, о котором можно сказать на спорных основаниях, что оно признано шведским законодательством. Соответственно, пункт 1 статьи 6 Конвенции был неприменим.

65. Заявитель, ссылаясь на шведскую судебную практику, утверждал, что негативное право на свободу объединения признано шведским законодательством. Однако, на его взгляд, на основании статьи 17 Формы правления, в соответствии с которой стороны на рынке труда могут решать трудовые споры самостоятельно (см. выше § 29), Швеция отреклась от своих обязанностей Договаривающейся Стороны Конвенции. Понятие «спорное требование» согласно судебной практике Европейского Суда в отношении статьи 6 Конвенции не ограничивалось позицией национального законодателя, а относилось также к конвенционному праву.

66. Европейский Суд заметил, что применимость статьи 6 Конвенции зависит от того, имеется ли спор о праве, признанном национальным законодательством. Жалоба заявителя на нарушение пункта 1 статьи 6 состоит не в том, что ему было отказано в эффективном средстве правовой защиты, позволяющем ему обратиться в суд с требованием о предотвращении нарушения национального законодательства (как, например, в постановлении Европейского Суда по делу «Спорронг и Лённрот против Швеции» (Sporrong and Lönnroth v. Sweden) от 23 сентября 1982 г., Series A, № 52, pp. 29–30, §§ 80–82). Его жалоба направлена скорее против того, что профсоюзная акция была правомерной в соответствии со шведским законодательством. Однако данная норма (пункт 1 статьи 6 Конвенции) сама по себе не гарантирует какого-либо конкретного содержания для (гражданских) «прав и обязанностей» в Договаривающихся Государствах (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Пауэлл и Рэйнер против Соединенного Королевства» (Powell and Rayner v. United Kingdom) от 21 февраля 1990 г., Series A, № 172, pp. 16–17, § 36). В настоящем деле не было права, признанного в соответствии с законодательством Швеции, чтобы можно было говорить о применении пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

67. Заявитель, кроме того, утверждал, что те же факты, что привели к предполагаемому нарушению пункта 1 статьи 6 (см. выше §§ 62 и 66), также нарушали статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

68. Власти Швеции оспорили данное утверждение.

69. Европейская Комиссия, учитывая свои выводы по жалобе заявителя на нарушение статьи 11 Конвенции (см. выше §§ 43 и 46), придерживалась мнения, что требование заявителя по этой статье было спорным по существу. Кроме того, стороны не спорили с тем, что в распоряжении заявителя не было ни одного эффективного судебного или другого средства правовой защиты, учитывая, что коллективный протест не противоречил шведскому законодательству. По этим причинам Европейская Комиссия разделила мнение заявителя о том, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

70. В соответствии с судебной практикой Европейского Суда статья 13 требует, чтобы в случае, когда частное лицо заявляет о нарушении его прав, гарантированных Конвенцией, ему было предоставлено средство правовой защиты в органе власти государства – участника Конвенции для рассмотрения его заявления и в случае необходимости предоставления возмещения. Однако статья 13 Конвенции не гарантирует средство правовой защиты, позволяющее оспорить в государственном органе законодательство как таковое (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (James and Others v. United Kingdom), р. 47, § 84; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Пауэлл и Рэйнер против Соединенного Королевства» (Powell and Rayner v. United Kingdom), р. 16, § 36). В связи с тем, что жалоба заявителя на нарушение Конвенции была направлена прежде всего против того, что профсоюзная акция была правомерной по шведскому законодательству, статья 13 Конвенция была неприменима.

На основании вышеизложенного Суд:

1) постановил 11 голосами «за» при восьми – «против», что статья 11 Конвенции применима к настоящему делу;

2) постановил 12 голосами «за» при семи – «против», что статья 11 Конвенции не была нарушена.

3) постановил 13 голосами «за» при шести – «против», что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не применялась к обжалованным заявителям

вопросам и что, соответственно, данная норма не была нарушена;

4) постановил 14 голосами «за» и пятью – «против», что пункт 1 статьи 6 Конвенции был неприемлем к настоящему делу и что, соответственно, данная норма не была нарушена;

5) постановил 18 голосами «за» и двумя – «против», что статья 13 Конвенции была неприменима к настоящему делу и что, соответственно, данная норма не была нарушена.

Совершено на английском и французском языках, и передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека 25 апреля 1996 г.

Герберт ПЕТЦОЛЬД
Секретарь-Канцлер
Европейского Суда

Рольф РИССДАЛ
Председатель
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 51 Конвенции и пунктом 2 правила 53 Регламента А Европейского Суда к Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(а) частично особое мнение судей Риссдала, Шпильманна, Пальм, Фойгеля, Пекканена, Лоизу, Макарчика и Репика;

(b) частично особое мнение судьи Ямбрека;

(с) особое мнение судьи Уолша;

(d) особое мнение судей Мартенса, к которому присоединился судья Матшер;

(e) особое мнение судьи Моренильи;

(f) особое мнение судьи Мифсуда Бонничи.

R.R.

H.P.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РИССДАЛА, ШПИЛЬМАННА, ПАЛЬМ, ФОЙГЕЛЯ, ПЕККАНЕНА, ЛОИЗУ, МАКАРЧИКА И РЕПИКА

Хотя мы согласны с нашими коллегами, что статья 11 Конвенции не была нарушена, мы пришли к этому выводу на том основании, что статья 11 была неприменима к жалобе, поданной Густафссоном.

Интересы, охраняемые статьей 11

Как сказано в Постановлении (параграф 45), статья 11 Конвенции была истолкована как охватывающая также и негативный аспект этой свободы, а именно право не вступать в объединение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сигурдур А. Сигурйонссон против Исландии» (Sigurdur A. Sigurjónsson v. Iceland) от 30 июня 1993 г., Series A, № 264, pp. 15–16, § 35). Договаривающиеся Государства обязаны в соот-

ветствии со статьей 11 создавать правовые рамки, позволяющие надлежащим образом пользоваться этим негативным правом. Однако из судебной практики Европейского Суда очевидно следует, что статья 11 не является инструментом для регулирования производственных отношений в целом или для общей защиты от вреда, причиненного в результате коллективного протеста, организованного одним из участников рынка труда против другого. Так, Европейский Суд признавал, что право на ведение коллективных переговоров не является неотъемлемым элементом свободы объединения в соответствии со статьей 11 (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (*Swedish Engine Driver' Union v. Sweden*) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 20, р. 15, § 39). На наш взгляд, принуждение работодателя к заключению лишь коллективного договора, то есть без принуждения ко вступлению в объединение, не охватывается гарантиями, предоставляемыми статьей 11 Конвенции.

Принуждение, обжалованное заявителем

В Постановлении признается, что «профсоюзная акция должна была оказать существенное давление на заявителя с целью вынудить его принять требования профсоюза о принятии положений коллективного договора либо путем вступления в объединение работодателей, либо путем подписания заменяющего соглашения» (см. §§ 44 и 52). Таким образом, обстоятельства настоящего необходимо отличать от обстоятельств, рассмотренных в Постановлении Европейского Суда по делу «Янг, Джеймс и Уэбстер против Соединенного Королевства» (*Young, James and Webster v. United Kingdom*) от 13 августа 1981 г. Series № 44 и упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Сигурдур А. Сигурйонссон против Исландии» (*Sigurdur A. Sigurjónsson v. Iseland*), в которых заявителей вынудили вступить в объединение под страхом потери средств к существованию. В настоящем случае заявителя не заставляли вступать в объединение, чтобы иметь возможность продолжать свою экономическую деятельность, так как у него был альтернативный вариант, а именно ведение переговоров с целью разработки заменяющего соглашения, учитывающего особый характер его бизнеса. Его возражение против этой альтернативы – из-за его несогласия с существующей в Швеции системой ведения коллективных переговоров – не затрагивает чьих-либо интересов, защищаемых статьей 11 Конвенции интереса.

Заключение

В свете вышеуказанных выводов мы пришли к заключению, что обжалованные факты, в частно-

сти оказанное на заявителя давление с тем, чтобы он связал себя соглашением, регулирующим условия труда его работников, не влекут применения статьи 11 Конвенции.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЯМБРЕКА

1. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда Швеция имела позитивное обязательство по статье 11 Конвенции обеспечить каждому лицу, находящемуся под ее юрисдикцией, эффективное пользование правом на свободу объединения с другими лицами, в том числе право не вступать или выходить из объединения. Конвенция является живым инструментом, который следует толковать в свете современных условий, в связи с чем это обязательство влекло для государства-ответчика обязанность предупреждать случаи злоупотребления профсоюзами доминирующим положением с целью принуждения кого-либо ко вступлению в объединение или присоединению к системе коллективных переговоров.

К вышесказанному я добавил бы, что из выражения «посягательство на саму суть», использованного в судебной практике Европейского Суда применительно к жалобам о принуждении ко вступлению в объединение, не следовало, что иной или более строгий тест применяется при оценке того, было ли вмешательство. Любое вмешательство в осуществление частным лицом его права на негативную свободу объединения посягает, «по определению и безусловно, «на саму суть» этой свободы.

2. Как и большинство судей, я считаю, что Швеция могла быть привлечена к ответственности, даже если в обжалованных вопросах не наблюдалось прямое вмешательство государства-ответчика, особенно если эти вопросы были результатом необеспечения государством заявителю прав, гарантированных статьей 11 Конвенции, на внутригосударственном уровне.

Однако моя позиция отличается по вопросу толкования и применения статьи 11 Конвенции в свете доктрины Дриттвиркунга (*Drittwirkung*). По-моему, к коллективному протесту, лежащему в основе жалобы заявителя, должны применяться те же ограничения, что применялись бы к непосредственному вмешательству государства. Если профсоюзная акция не была обоснованной в соответствии с пунктом 2 статьи 11, на государство-ответчике лежало позитивное обязательство принимать меры для обеспечения пользования заявителем своим правом на свободу объединения.

3. Что касается конкретных обстоятельств настоящего дела, я полагаю, что обжалованные факты не только подпадали в сферу применения статьи 11 Конвенции, но и составляли вмешательство в право заявителя на свободу объединения, гарантированное пунктом 1 статьи 11. Поэтому

необходимо было рассмотреть вопрос о том, было ли вмешательство оправданным в соответствии с пунктом 2.

4. Профсоюзная акция, что не оспаривалось сторонами, была явно законной по шведскому законодательству, и я не вижу причин сомневаться в том, что оно было «запрещено законом» по смыслу пункта 2 статьи 11.

5. Ограничение, очевидно, имело целью «защиту прав и свобод других лиц».

В этом отношении в Постановлении содержались ссылки на: «профессиональные интересы членов профсоюза» (см. § 45), на «особую роль и значение коллективных договоров в регулировании трудовых отношений в Швеции» и на то, что легитимный характер коллективных договоров «признан множеством международных актов» (см. § 53).

Из формулировок постановления не ясно, оценивало ли большинство судей интересы профсоюзов в разрезе пункта 1 или пункта 2 статьи 11. В то время как раздел Постановления «Общие принципы» указывает на «слова “для защиты [своих] интересов” в пункте 1 статьи 11...», раздел «Применение вышеуказанных принципов» не содержит упоминаний того, какой из пунктов статьи 11 применяется.

При применении теста на соразмерность для определения вопроса о необходимости важно рассматривать «профсоюзные интересы» в их собственном контексте. В связи с тем, что профсоюзы не являются сторонами по делу в конвенционных учреждениях, эти интересы следует принимать во внимание при оценке легитимного характера цели, преследуемой оспоренными ограничениями прав заявителя, гарантированных статьей 11 Конвенции. Единственный вопрос состоит в том, была ли разумная соразмерность между преследуемой целью и заинтересованностью Густафссона в том, чтобы его не принуждали к заключению коллективного договора.

6. Однако по причинам, которые я разъяснил ниже, я не считал, что между столкнувшимися в настоящем деле интересами была разумная соразмерность.

7. Прежде всего, не видно, чтобы упорный отказ Густафссона от вступления самого или его работников в шведскую систему ведения коллективных переговоров каким-либо образом вмешивался в права и свободы Союза работников гостиниц и ресторанов (ХРФ). Также не видно, чтобы на кону стояли личные интересы кого-либо из отдельных членов союза. На самом деле один из его работников, который был членом ХРФ в рассматриваемое время, публично заявила, что, по ее мнению, профсоюзная акция была необязательной, так как на заработную плату и условия труда в ресторане Густафссона невозможно было пожаловаться.

8. Кроме того, я бы не стал придавать значения другим интересам, оцененным большинством

судей, а именно корпоративной цели «распространения системы коллективных переговоров» ввиду «особой роли и значения коллективных договоров в регулировании трудовых отношений в Швеции» (см. §§ 45 и 53 Постановления).

В этой связи следует учитывать, что примерно 85% работников в Швеции были охвачены системой коллективных переговоров. Как результат, эта система, основанная главным образом на организационных отношениях между работниками и работодателями, уже охватывала большие расстояния, укоренилась и была очень мощной. К этому примешивался тот факт, что, по словам заявителя, система коллективных переговоров проявила себя как эффективное средство привлечения в члены Шведской социал-демократической партии, вплоть до того, что членство становилось коллективным.

Дальнейшее распространение этой системы сделало бы ее почти всеохватывающей и всемогущей, что едва ли могло быть признано соответствующим понятию плюрализма в демократическом обществе. Напротив, чтобы обезопасить цели, заложенные в это понятие, а именно институциональное разнообразие и индивидуальную свободу выбора и самореализации, от государства можно потребовать принятия защитных мер с целью предотвращения получения или использования профсоюзами доминирующего положения, особенно в случаях, когда они являются важными действующими лицами-корпорациями, пользующимися широкой экономической, финансовой и политической поддержкой.

9. Густафссон, в свою очередь, имел ряд легитимных интересов, которые следовало защищать от коллективного протеста профсоюзов. Это не только поставил под угрозу его бизнес и финансовые интересы, но и угрожало всей его философии бизнеса, трудовым отношениям и образу жизни.

Фактически можно было сказать, что политика в области найма на работу, применявшаяся заявителем на микроуровне в его ресторанном бизнесе, была основана на совместном принятии решений и имела целью достижение тех же общественных целей, что и система коллективных переговоров на макроуровне, а именно производственный мир и солидарность.

10. На этом фоне я не считаю, что ограничения, которые оказала профсоюзная акция на осуществление заявителем права на свободу объединения, соответствовали острой социальной необходимости. Мотивы, приведенные властями Швеции в данном отношении, не имели значения и были недостаточны для целей пункта 2 статьи 11. Форма и степень принуждения, которому подвергся Густафссон, были несоразмерны преследуемым законным целям, а потому не являлись необходимыми в демократическом обществе.

При данных обстоятельствах государство-ответчик было обязано принять соответствующие меры для защиты заявителя от профсоюзных мер, чтобы

гарантировать эффективное пользование его правом на негативную свободу объединения, гарантированным статьей 11. Не сделав это, государство превысило свои пределы усмотрения, нарушив тем самым статью 11 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ УОЛША

1. Я согласен с особым мнением судьи Мартенса, в соответствии с которым данное дело раскрывает нарушение статьи 11 Конвенции. Я согласен также и с его мотивировкой.

2. Швеция должна отвечать за все нарушения Конвенции, произошедшие под ее юрисдикцией, независимо от того, совершены они частными лицами или государством и его органами (см. постановление Европейского Суда по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (Young, James and Webster v. United Kingdom) от 13 августа 1981 г., Series A № 44, p. 20, § 49).

3. В соответствии с пунктом 1 статьи 11 Конвенции заявитель имел право на объединение с другими лицами. Однако как частью этой свободы он пользовался также коррелятивным правом не быть принужденным прямо или косвенно к объединению с другими лицами. Даже если предположить, что это коррелятивное право могло быть ограничено в соответствии с пунктом 2 статьи 11, ничто в настоящем деле не вводит его в сферу применения данного положения.

4. Я также согласен с остальной частью особого мнения судьи Мартенса.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРТЕНСА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ МАТШЕР

1. К сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства судей. В связи с тем, что мой анализ кардинально отличается от их анализа, я воздержусь от вступления в спор и просто изложу свое мнение.

2. Я основываюсь на фактах, как они были установлены Европейской Комиссией. В той мере, в которой власти Швеции в Европейском Суде сослались на новые факты, противоречащие фактам, установленным Европейской Комиссией, я не буду принимать их доводы во внимание.

Конечно, в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде стороны в принципе могут свободно представлять новые факты, то есть факты, не заявленные в Европейской Комиссии, но эта свобода ограничена принципами справедливого разбирательства. В конвенционной системе установление и проверка фактов являются задачами преимущественно Европейской Комиссии (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» (Ribitsch v. Austria) от 4 декабря

1995 г., Series A, № 336, p. 24, § 32). Следовательно, факты, дополняющие или уточняющие те из них, которые установлены Европейской Комиссией, допустимы (см. Постановление Европейского Суда по делу «МакМайкл против Соединенного Королевства» (McMichael v. United Kingdom) от 24 февраля 1995 г., Series A, № 307-B, p. 51, § 73), но одинаковые факты, которые противоречат тем, которые установлены Европейской Комиссией, как правило, неприемлемы. Разумеется, существуют исключения к данному правилу: обстоятельства, неизвестные сторонам и Европейской Комиссии в момент, когда последняя составляла свой доклад, и факты, которые произошли после этого момента, также допустимы. Однако к первой группе не относятся факты, о которых стороне, их представляющей, могло быть известно, если бы она была в разумной мере усердной и внимательной. Новые противоречивые факты, на которые теперь пытались сослаться власти Швеции, относятся к последней категории. Власти Швеции не отрицали, что в Европейской Комиссии им была предоставлена возможность представить свою защиту. Они просто сказали, что, когда они использовали эту возможность, они не проконсультировались с соответствующим профсоюзом, не обосновав свое бездействие ничем другим, кроме «практических трудностей». Их бездействие должно остаться на их совести.

3. Следует напомнить, что Европейская Комиссия установила следующее: (а) лишь один из чуть меньше десяти работников заявителя являлся членом ХРФ, профсоюза, который предпринял акцию против заявителя; (б) этот работник публично выразила мнение, что коллективный протест был необязательным, так как на заработную плату и условия труда в ресторане невозможно было пожаловаться; (с) условия труда работников заявителя были более благоприятными, чем условия труда, устанавливаемые действовавшим коллективным договором.

Таким образом, акция профсоюза преследовала цель не улучшить неприемлемые или, по крайней мере, менее благоприятные условия труда, а просто включить заявителя и его работников в систему коллективных переговоров.

Это подтверждается тем фактом, что не только заявитель, но и пять его работников обратились в конвенционные органы. Последние жаловались, что отсутствие государственной защиты от того, что они назвали необоснованными коллективными протестами, организованными против ресторана их работодателя, нарушало их негативную свободу объединения. Они подчеркнули, что целью акции было лишить их возможности влиять на условия их договорных отношений с работодателем. В Решении от 8 апреля 1994 г. (жалоба № 15533/89, *Decisions and Reports* 77-A, pp. 10 *et seq.*) Европейская Комиссия признала эти жалобы неприемлемыми, но в связи с тем, что они су-

щественно подтверждают выводы Европейской Комиссии по делу, они, как таковые, являются еще одним доводом против приема новых фактов, заявленных властями Швеции.

Статья 11 Конвенции

4. Данное дело можно условно рассматривать как конфликт между, с одной стороны, мелким работодателем, в соответствии с глубоко укоренившимися политическими убеждениями которого конкретная система коллективных переговоров и коллективных трудовых договоров и оказывает вредоносное влияние на общество в целом и является неприемлемой *per se*, и который поэтому не только воздерживается от вступления в объединение работодателей, но и упрямо сопротивляется любым попыткам соответствующего профсоюза интегрировать его тем или иным образом в данную систему, и, с другой стороны, профсоюзом, который, как все понимают, придерживается мнения, что его профессиональные интересы требуют, чтобы каждый работодатель в сфере торговли участвовал в данной системе, и поэтому стремится сокрушить сопротивление работодателя с помощью коллективного протеста.

При данном предварительном анализе на кону стоит конфликт двух фундаментальных прав: права профсоюза, опирающегося на позитивную свободу объединения, и права работодателя, ссылающегося на свою негативную свободу объединения.

5. Власти Швеции, однако, отрицают, что дело касалось негативной свободы объединения заявителя. Они утверждали, что первоочередной целью коллективного протеста было не принудить заявителя ко вступлению в объединение работодателей, а связать его коллективным договором.

Этот довод отпадает.

Прежде всего, следует отметить, что субъективная цель коллективного протеста не имеет значения. Решающее значение имеют объективные последствия поведения профсоюза. Если говорить объективно, заявитель столкнулся с требованием (под угрозой коллективного протеста) интегрироваться в систему коллективных переговоров путем вступления в объединение работодателей или подписания так называемого заменяющего соглашения, которое могло быть приравнено к согласию выполнять не только действующие коллективные трудовые договоры, но и договоры, заключенные в будущем или, по крайней мере, в следующем сезоне.

Таким образом, заявитель был подвергнут серьезному принуждению с целью интегрироваться тем или иным образом в систему коллективных переговоров. Это принуждение составляло вмешательство в его негативную свободу объединения, так как оно не соответствовало одному неотъемлемому элементу этой свободы – свободе согласо-

вания условий заключаемых им трудовых договоров.

6. Власти Швеции утверждали, что такая свобода не защищалась Конвенцией. Этот аргумент, тем не менее, не учитывает неразрывную связь, существующую в контексте производственных отношений между свободой профсоюзов (как особой формой позитивной свободы объединения), правом на ведение коллективных переговоров и правом на организацию коллективного протеста для защиты производственных интересов. Как проиллюстрировано, *inter alia*, статьями-близнецами 5 и 6 Европейской социальной хартии (и в выводах Комитета независимых экспертов, касающихся этих норм) в соответствии с международным трудовым правом право на ведение коллективных переговоров является если не целью, то, по крайней мере, результатом позитивной свободы объединения профсоюзов и его необходимой производной – свободы профсоюзов защищать свои профессиональные интересы с помощью коллективного протеста.

Действительно, в своих довольно сдержанных постановлениях двадцатилетней давности, касающихся объема защиты, которой пользуются профсоюзы на основании статьи 11 Конвенции (постановление Европейского Суда по делу «Национальный союз полиции Бельгии против Бельгии» (National Union of Belgian Police v. Belgium) от 27 октября 1975 г., Series A, № 19; Постановление Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 20, и Постановление Европейского Суда по делу «Шмидт и Дальстрём против Швеции» (Schmidt and Dahlström v. Sweden) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 21), Европейский Суд воздержался от подписи под аккуратно мотивированным и подтвержденным множеством документов мнением Европейской Комиссии о том, что право на ведение коллективных переговоров необходимо для эффективного пользования свободой профсоюза и является, таким образом, неотъемлемым элементом данной свободы, гарантированной статьей 11 Конвенции (Series B, № 18, pp. 47 *et seq.*, §§ 76–78). Однако в современных условиях, отраженных, *inter alia*, в заключениях Комитета МОТ по свободе объединения в отношении Конвенции МОТ № 98, нельзя сомневаться в том, что право на ведение коллективных переговоров является подобным элементом, как и право на защиту профессиональных интересов членов профсоюза с помощью коллективного протеста.

Точно так же, но с другой стороны медали негативная свобода объединения работодателя обязательно предполагает свободу неприсоединения к системе коллективных переговоров, то есть свободу ведения переговоров по заключаемым им самим трудовым договорам.

В целом статья 11 Конвенции применима. Следующий вопрос состоит в том, была ли она нарушена.

7. Вывод о применимости статьи 11 Конвенции делает окончательным вышеприведенный предварительный анализ дела как конфликта между позитивной свободой объединения профсоюза и негативной свободой объединения работодателя-заявителя. Следовательно, в настоящем деле становится необходимым разрешить вопрос, оставленный открытым в Постановлении по делу «Сигурдур А. Сигурйонссон против Исландии» (Sigurdur A. Sigurjónsson v. Iceland) (от 30 июня 1993 г., Series A, № 264, р. 16, § 35). В этом постановлении Европейский Суд признал (как и Комитет независимых экспертов в отношении статьи 5 Европейской социальной хартии), что «статья 11 Конвенции должна толковаться как охватывающая негативное право на объединение», оставив открытым вопрос о том, «следует ли рассматривать негативное право наравне с позитивным правом».

8. В контексте конфликта между двумя правами вопрос видится не столь позитивным в той мере, в которой постулируется, что единственным решением конфликта между ними является присвоение им различного веса. *Quaeritur ergo*, какое из двух прав имеет больший вес? Отвечая на данный вопрос в соответствии с Конвенцией отправным пунктом должен быть характер данного документа. Конвенция имеет целью закрепление фундаментальных прав частных лиц и обеспечение этим лицам эффективной защиты от вмешательств в эти права. Поэтому, раз уж признано, что статья 11 Конвенции охватывает негативный и позитивный аспекты свободы объединения, негативная свобода, в принципе, должна превалировать при конфликте между ними.

Следует выделить слова «в принципе». По общему признанию, эти права являются двумя сторонами одной медали, но в случае, когда они конфликтуют, коллективные аспекты позитивного права, особенно важность социальной солидарности, не должны игнорироваться. Следовательно, может быть так, что для окончательного сравнения веса в таких случаях важно знать, стоит ли на кону негативная свобода работника или работодателя. Социальная солидарность не всегда имеет одинаковое содержание или одинаковую ценность. Другими словами, может иметь значение, касается ли конфликт прав трений в том же лагере (разногласия между профсоюзом и отдельным работодателем); а также, когда конфликт касается лишь одного лагеря, может иметь значение, каков предмет разногласий.

Однако может быть так, что превалирование в принципе негативного права предполагает, что в случаях, когда (как в настоящем деле) профсоюзы используют коллективный протест как форму принуждения для того, чтобы вынудить

индивидуального работодателя прямо или косвенно интегрироваться в систему коллективных переговоров, больше нет места для применения теста «посягательство-на-саму-суть-права,-гарантированного-статьей-11», использованного по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (Young, James and Webster v. United Kingdom) (Постановление Европейского Суда от 13 августа 1981 г., Series A, № 44, р. 23, § 52), потому что этот довольно ограничительный тест был основан на предположении – принятом только ради спора (там же, р. 21) – что негативная свобода не закреплена в Конвенции.

Этот тест следует заменить тестом, который лучше отражает идеал прав человека, что человек должен, как правило, быть свободен действовать в соответствии со своими убеждениями, и, соответственно, его необходимо защищать от того, чтобы он шел против своих убеждений в результате принуждения, оказываемого на него коллективным протестом одного или более профсоюзов. В данном контексте следует напомнить, что одной из целей свободы объединения является как раз защита свободы мысли, совести и религии и свободы выражения мнения (см., среди прочих, Постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии» (Vogt v. Germany) от 26 сентября 1995 г., Series A, № 323 р. 25, § 64).

9. В связи с тем, что в случае конфликта между свободой объединения и свободой отделения последняя, в принципе, превалирует, традиционный, и легитимный, профессиональный интерес профсоюзов в достижении общераспространенной организации и всеобщности системы коллективных переговоров сам по себе не может оправдать использования коллективного протеста для принуждения отдельного работодателя ко вступлению в объединение работодателей или интеграции каким-либо образом в систему коллективных переговоров. Следовательно, такая акция профсоюза по принуждению отдельного работодателя должна быть признана нарушающей его негативную свободу по статье 11 Конвенции, если:

(а) она не зиждется на других легитимных профессиональных интересах, помимо интереса в достижении общераспространенной организации и всеобщности системы коллективных переговоров; и

(б) использование коллективного средства не является соразмерным этим другим интересам.

Бремя выдвижения и доказывания этих других интересов должно лежать на профсоюзе. По делам вроде настоящего эти другие интересы могут состоять, например, в том, что работодатель эксплуатирует своих работников, являющихся членами профсоюза, и, возможно, даже всех работников в целом, если, конечно, вы, как я, готовы допустить, что профсоюзы действуют в таких случаях также в интересах работников в целом.

10. Следовательно, Высокие Договаривающиеся Стороны, будучи обязанными обеспечивать каждому лицу негативную свободу объединения, имеют позитивное обязательство защищать эту свободу от злоупотреблений или несоразмерного использования коллективного протеста профсоюзами. Из этого неизбежно следует вывод, что статья 11, как и статья 8 Конвенции и статья 1 Протокола № 1 к Конвенции, предполагает процессуальное требование: лица, утверждающие, что они стали жертвой злоупотребления или несоразмерного использования коллективного протеста профсоюзами, должны иметь возможность искать правовую защиту в независимом и беспристрастном суде. Я отмечу, что данный вывод соответствует практике Комитета независимых экспертов в отношении позитивного обязательства Договаривающихся Государств обеспечивать средства правовой защиты для защиты от практики ненадлежащего посягательства на негативную свободу объединения согласно статье 5 Европейской социальной хартии (см. Conclusions VIII, p. 77, и XI-1, p. 78).

11. По поводу сильно сформулированного аргумента властей Швеции о «шведской модели» я отметил бы, что требование о том, чтобы жертвы несоразмерного использования профсоюзной акции должны иметь возможность обратиться в суд, также является требование принципа верховенства права. Принцип верховенства права – основная защита индивида, о которой говорится в Преамбуле к Конвенции и которую обязан учитывать Европейский Суд – требует не только, чтобы индивиду была предоставлена возможность обращения в суд с ходатайством о проверке законности и соразмерности вмешательства в его права со стороны исполнительных органов власти, но и чтобы ему была предоставлена аналогичная защита от других организаций, созданных государством или с его разрешения. В соответствии с Конвенцией профсоюзы не освобождаются от судебного контроля в большей степени, чем государства.

Таким образом, принцип верховенства права также требует, чтобы правовая система, которая подобно шведской предоставляет профсоюзам и объединениям работодателей конституционное право проводить забастовки, локауты или предпринимать аналогичные меры, предоставляла каждой жертве таких акций возможность искать защиты в судах с целью рассмотрения вопроса о том, нарушили ли профсоюз или объединение работодателей, в зависимости от контекста, ее конституционную свободу. Может быть, в «шведской модели» демократический законодатель был убежден, что предоставление профсоюзам (почти) неограниченного права на продвижение интересов их членов наилучшим образом отвечало интересам общества в целом, но принцип верховенства права – и, кроме того, правового равенства в Совете Европы – исключает возможность принятия даже

со стороны демократического законодателя, что по каким-либо причинам профсоюз должен иметь привилегию быть единственным и последним арбитром между интересами своих членов и интересами небольшого работодателя, который возражает против вступления в систему.

12. По общему признанию, в соответствии со шведским законодательством у заявителя не было возможности пожаловаться на профсоюзные акции в суд, который мог бы оценить, имелись ли значимые и достаточные основания для вмешательства при помощи коллективного протеста в его негативное право объединения (см. выше § 7). Этого достаточно для того, чтобы подтвердить вывод о нарушении прав заявителя, гарантированных статьей 11 Конвенции.

13. Власти Швеции утверждали, что признание того, что профсоюзы должны отвечать в суде за коллективные протесты, нарушило бы интерпретационное правило статьи 60 Конвенции, так как шведское законодательство гарантирует им в качестве фундаментальной свободы иммунитет от исков.

Этот довод отпадает. Иммунитет от исков, которым профсоюзы пользуются в соответствии со шведским законодательством, не подпадает в категорию «прав человека и основных свобод», о которых говорится в статье 60 Конвенции. Сущностный недостаток этого иммунитета заключается в том, что он не соответствует принципу верховенства права и надлежащей защиты негативных прав частного лица по статье 11 Конвенции. Из-за того, что Швеция создала право, дефектное по сути, она не должна иметь право выдавать его за право человека или основную свободу по смыслу этих выражений, придаваемому им Конвенцией.

Другие жалобы

14. Учитывая вышесказанное, мне не нужно анализировать жалобы на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, статей 6 и 13 Конвенции, так как отсутствие доступа к суду является решающим аргументом в пользу нарушения статьи 11 Конвенции.

Я добавил бы только, что процессуальное требование статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не было соблюдено, и что это оправдывает вывод о нарушении этой нормы.

Довод властей Швеции о том, что блокада, будучи мерой частной организации против частного лица, лежит за сферой применения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, не может быть принят. Даже если бы коллективный протест профсоюзов, как неправильно предположили власти Швеции, мог быть приравнен к коммерческому бойкоту и аналогичным явлениям, довод властей Швеции не учитывает, что правовая система, которая не позволяет жертве таких коммерческих

акций обратиться в суд с тем, чтобы получить приказ о запрещении этих акций или получить компенсацию, также нарушает статью 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако может быть и так, что на властях государства, предоставляющего своим профсоюзам почти неограниченное право на организацию коллективных протестов, когда они считают, что подобные акции соответствуют интересам их членов, на основании первого правила статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции лежит позитивное обязательство следить за тем, чтобы такие акции не вмешивались в права третьих лиц; и это позитивное обязательство предполагает, по крайней мере, что жертвы такого коллективного протеста должны иметь возможность на обращение в независимый и беспристрастный суд для проверки соразмерности примененной меры.

Заключение

15. В целом Швеция нарушила статью 11 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МОРЕНИЛЬИ

1. К сожалению, я не могу разделить мнение большинства и решение о том, что статья 11 Конвенции не была нарушена в настоящем деле. По причинам, выраженным в моем особом мнении к Постановлению по делу «Сибсон против Соединенного Королевства» (Sibson v. United Kingdom) от 20 апреля 1993 г., Series A, № 258-A, pp. 16–19; я всё же соглашусь с выводами Европейского Суда по вопросу о применимости статьи 11 Конвенции к жалобе заявителя. Несмотря на некоторое нежелание «открыть дверь» негативной свободе объединения (подпункт 2 параграфа 45), Европейский Суд, опираясь на Постановление от 30 июня 1993 г. по делу «Сигурдур А. Сугурйонссон против Исландии» (Series A, № 264, pp. 15–16, § 35), истолковал данную статью в ее логичном смысле, что это негативное право объединения – право не вступать или выйти из профсоюза – является лишь одним из аспектов свободы объединения с третьими лицами.

2. Однако, на мой взгляд, большинство судей не вывели логичное умозаключение из этой посылки, а именно, что описанные Густафссоном факты представляли собой нарушение его права не вступать в профсоюз и его права отказаться от участия в коллективных переговорах с профсоюзами под угрозой коллективного протеста, такого как блокада или бойкот.

3. Напротив, большинство судей пришли к выводу о ненарушении, признав в качестве «общих принципов» соблюдения статьи 11 Конвенции (§ 45 Постановления) следующее: (а) предмет жалобы заявителя не был связан с прямым

вмешательством государства; (b) как признал Европейский Суд в упомянутом выше Постановлении по делу «Сибсон против Соединенного Королевства» (Sibson v. United Kingdom), только форма принуждения, которая с учетом обстоятельств дела затрагивает саму суть свободы объединения, гарантированной статьей 11 Конвенции, будет представлять собой вмешательство в эту свободу; (с) формулировка статьи 11 Конвенции показывает, что Конвенция охраняет свободу защищать профессиональные интересы членов профсоюза с помощью профсоюзных акций; (d) в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 20), заключение коллективных договоров может быть одним из средств, выбранных государством для достижения этой цели; и (e) Договаривающиеся Государства должны пользоваться широкими пределами усмотрения при выборе используемых средств.

4. На мой взгляд, эта мотивировка не соответствует самой сути «негативной» свободы объединения Густафссона, гарантированной статьей 11 Конвенции. Позитивное обязательство Швеции по статье 1 Конвенции обеспечивать права заявителя требует предоставления правовых и процессуальных средств для защиты частного лица от мер, принимаемых профсоюзами, которые, по мнению работодателей или работников, являются «неразумными или неуместными». В настоящем деле ответственность Швеции по Конвенции должна наступить как раз из-за этого прокола.

5. Меры по блокаде и бойкоту, судя по всему, были приняты профсоюзами против заявителя в связи с отказом от выбора альтернативных вариантов вступления в объединение работодателей или подписания «заменяющего» коллективного договора. Поэтому коллективное принуждение было в интересах не Густафссона, а скорее системы навязывания коллективных трудовых договоров, когда воля частного лица не принимается во внимание. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Шведский союз автомобилистов против Швеции» (Swedish Engine Drivers' Union v. Sweden) (в §§ 39 и 40) Европейский Суд перечислил положения коллективных договоров между работодателями и профсоюзом, представляющим работников (статья 11 Конвенции), и подчеркнул, что Европейская социальная хартия (пункт 2 статьи 6) «подтвердила добровольный характер ведения коллективных переговоров и заключения коллективных договоров». Право профсоюзов по статье 11 Конвенции бороться за защиту интересов их членов «в соответствии с национальным законодательством» не может, на мой взгляд, охватывать меры, настолько не соответствующие самой сути права на свободу объ-

единения, и цель достижения «производственного мира» представляется мне также не соответствующей такому праву в соответствии с Конвенцией.

6. Единственные ограничения, которые могут быть применены к осуществлению права на свободу объединения, изложены в пункте 2 статьи 11 Конвенции. Эти ограничения должны быть предписаны законом, и они должны соответствовать стандартам, установленным в данной статье. Я считаю, что на свободу объединения государства в социальных и политических вопросах нельзя законно ссылаться для обоснования лакун шведской правовой системы в области защиты работодателей или работников от коллективных мер принуждения, когда их уместность и соразмерность не проверены судами или независимым и беспристрастным трибуналом.

7. В связи с тем, что я признал нарушение статьи 11 Конвенции на том основании, что шведская правовая система не предоставляла частному лицу защиту от коллективного протеста профсоюзов, причиняющего вред его правам и имуществу, другие жалобы заявителя по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции и статьям 6 и 13 Конвенции являются всего лишь следствием нарушения статьи 11. Однако в резолютивной части Постановления я негативно ответил на вопрос о нарушении соответствующих положений.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МИФСУДА БОННИЧИ

1. В целом я согласен с особыми мнениями моих коллег судей Мартенса и Моренильи и считаю, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

2. Соглашаясь с особыми мнениями, я добавил бы только следующее короткое замечание. Я тоже, как и судья Мартенс, был впечатлен фактами, опи-

санными в параграфах 11 и 15 Постановления. Не только заявитель как работодатель не состоял в Шведском союзе предпринимателей в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса (ХРАФ), но и его работники, за исключением одного, не являлись членами Союзом работников гостиниц и ресторанов (ХРФ). Работодатель и работники явно выбрали не вступать ни в один профсоюз, реализуя свое фундаментальное право, гарантированное статьей 11 Конвенции. И тот, и другие считали, что в их соответствующих интересах было куда не присоединяться, так как вступление фактически означало бы, что их отношения регулировались бы общим коллективным договором, который, по их мнению, был менее выгодным, чем взаимно согласованные ими условия. Единственный член ХРФ, нанятый заявителем в рассматриваемое время, в действительности «публично заявила, что профсоюзная акция была необязательной, так как на заработную плату и условия труда в ресторане невозможно было пожаловаться».

3. Акции профсоюзов породили ситуацию принуждения, приведшую к серьезным последствиям. Самым важным и значимым последствием было то, что трудовой договор или договоры между заявителем и работникам были лишены силы, так как они никоим образом не могли быть выполнены. В параграфе 52 Постановления при рассмотрении вопроса о принуждении Европейский Суд отметил:

«Принуждение, которое, как в настоящем случае, не существенно затрагивает пользование этой свободой, даже если оно причиняет материальный вред, не может породить никакого позитивного обязательства по статье 11».

Однако, на мой взгляд, рассматриваемое принуждение существенно затронуло пользование заявителем своим правом на свободу объединения.